

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2022), 243–260
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2022), 243–260
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-75-243–260

«ЕСТЬ ЧТО-ТО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ МАРКСИЗМУ»:
ДИСКУССИИ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ НАЧАЛА 1930-х гг.
(НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В.Г. Ананьев¹, М.Д. Бухарин²

¹*Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт Петербург, Россия*
v.ananbev@spbu.ru

²*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия*
michabucha@gmail.com

Аннотация. После переворота 1917 г. сфера науки и культуры в СССР претерпела коренные изменения: университеты, институты, музеи должны были соотносить свою деятельность как с конкретными целевыми установками, поступавшими из органов государственного управления, так и с идеологическим канонем «марксизма-ленинизма» в понимании всемирно-исторического прогресса, который и сам в 1920-е – 1930-е гг. проходил стадию становления, окончательно оформившись лишь в 1938 г. Начало 1930-х гг. в истории Государственного Эрмитажа было ознаменовано началом этапа «социалистической реконструкции», соответственно бывшие научные дискуссии приобрели новое идеологическое звучание. В этих дискуссиях переплелись борьба за влияние внутри музея, различное понимание музейно-выставочной деятельности, способов донесения до посетителей необходимых смыслов. Главными действующими лицами дискуссий относительно понимания древневосточного общества в целом и древнеегипетского в частности были В.В. Струве и И.М. Лурье. В статье публикуются четыре документа 1931 г. из Архива Государственного Эрмитажа. Эти документы показывают, что В.В. Струве выступил в большей степени догматиком, для которого важнее всего было буквальное соответствие программы работы музея тем социологическим категориям, которые были выработаны К. Марксом. И.М. Лурье и его коллеги в борьбе со Струве оказались готовы поступиться чистотой марксистского учения и отстаивали возможность относительно свободного использования категориального аппарата. В музейной практике И.М. Лурье отстаивал первичность экспонатов, в отличие от В.В. Струве, который делал акцент на первостепенной важности этикетажа. В конечном итоге, одержав победу в борьбе против оппонента, И.М. Лурье и его коллеги по Эрмитажу на протяжении 1930-х гг. использовали категориальный аппарат вне его канонически-марксистской версии.

Ключевые слова: история Древнего мира, Древний Восток, Древний Египет, рабство, феодализм, Азиатский способ производства, Государственный Эрмитаж, В.В. Струве, И.М. Лурье.

Данные об авторах: Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, академик РАН.

ПРОЛОГ

Период 1917–1941 гг. в истории СССР был насыщен масштабными трансформациями практически во всех сферах общественной жизни. Не стали исключением наука и культура. Резко менялся кадровый состав и облик практически всех институтов научной и культурной сферы, менялись и отношения между наукой, культурой и государством. Со складыванием тоталитарного государства сталинского образца идеологическая лояльность стала значительно более актуальным требованием, предъявляемым ко всем действующим лицам, в особенности к гуманитарным и общественным наукам. Программа этой лояльности, ее «символы веры» были разработаны далеко не сразу. В начале 1930-х гг. этот процесс интенсифицировался не только в области разработки основ советского марксистского понимания сути всемирно-исторического прогресса (формирования канона о последовательной смене друг другом пяти формаций, т.наз. «пятичленки», и перехода в стадию «апокрифичности» невянятно прописанного Марксом азиатского способа производства), но и в сфере музейного строительства, призванной быть важным каналом его визуализации и пропаганды.

В декабре 1930 г. в Москве прошел Первый всероссийский музейный съезд, определивший целевые установки советского музейного дела и провозгласивший примат идеологического подхода над безыдейным вещиизмом, отказ от «кунсткамерности», курс на популярное изложение принципов диалектического материализма музейным языком¹. В число утвержденных съездом целевых установок обществоведческих музеев (категория, к которой относились не только коллекционные, но и ансамблевые музеи исторической направленности, типа музеев-дворцов, усадеб и т.п.) были включены такие положения, как «показ не столько истории культуры, сколько диалектики развития общественных форм, возникновения, развития и уничтожения социальных формаций и их смены», наглядный показ тезиса Энгельса «история общества есть история классовой борьбы», показ «классовой борьбы в самой исторической науке, что находит отражение в борьбе различных концепций исторического процесса», особо оговаривалось – «наука и искусство их могут интересовать постольку, поскольку они представляют идеологическую надстройку и в свою очередь оказывают большое обратное влияние»². Одним из следствий этого нового курса стал явно ощутимый в пространстве экспозиционно-выставочных комплексов конфликт музейных предметов и научно-вспомогательных материалов, вылившийся в широкое распространение «фанерных экспозиций» и «постановочных сцен», в которых подлинники низводились до уровня театральной бутафории, а основное послание передавалось посредством копийного или плоскостного материала, зачастую вербально (через тексты, лозунги и т.п.). Как отмечает Г.А. Кузина: «Борьба с “вещевым фетишизмом” вызвала почти полное изгнание вещей из экспозиции и превращала музеи в собрание этикеток и текстов»³.

Экспозиционно-выставочные проекты – как основной результат научно-исследовательской работы музеев – оказывались под двойным давлением: как со

¹ Закс 1980, 164–167.

² Труды 1931, 212–213.

³ Кузина 1991, 143.

стороны профильных дисциплин (что показывать? Какой концепции/подходу в рамках все еще пребывающего в процессе конструирования марксистского канона отдать приоритет и, тем самым, придать авторитет?), так и со стороны формирующегося советского музееведения (как показывать? Как и какими средствами все еще слабо отрефлексированного, но уже значительно идеологизированного языка музея пользоваться?).

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Влияние этих процессов в Государственном Эрмитаже было особенно сильно, т.к. в начале 1930-х гг. музей подошел к тому этапу в своей истории, который в 1934 г. Б.В. Легран, возглавлявший музей в 1930–1934 гг., назовет «социалистической реконструкцией»⁴. Этот этап характеризовался еще и противоречием между задачами, все настойчивее ставившимися тоталитарным государством перед музеем, и наличными силами самого музея, представленными преимущественно старыми или «буржуазными» специалистами, далекими от марксистских построений. Музей должен был «выявить в своей новой экспозиции новое лицо советского, социалистического музея в отличие от того типа буржуазного музея, который сложился в современной Западной Европе и Америке»⁵. В 1931 г., через год после начала реконструкции, музей захлестнула волна чисток, не в последнюю очередь призванных «привести в соответствие» кадровый состав с заявленными задачами.

На одном из собраний по чистке, в феврале 1931 г., Б.В. Легран заявил: «Эрмитаж является предприятием особого типа – музеем, но, как всякое предприятие, и музей имеет свою продукцию. Музейная продукция предьявляется посетителю в качестве выставки музейной экспозиции <...> Но наша продукция заключается не только в собирании и выставке вещей. Составной частью этой продукции является и то, как мы объясняем эти вещи посетителю. Это делается в музейной технике с помощью экспликации и этикетаж. Экспликация и этикетаж определяют способы, которыми выставка, организованная музеем, доводится до сознания посетителя <...> В этой области Эрмитаж тоже похвастаться ничем особым не может. Правда, в последнее время удалось добиться того, чтобы экспликация (хороша она или плоха) была бы в залах более или менее полно представлена. Но она, конечно, еще далеко не в таком состоянии, чтобы считать ее удовлетворяющей современным требованиям музейного строительства. Подлинного научного знания, которое мы определяем словом “марксизм”, – в ней еще очень мало или даже, наоборот, в ней есть что-то противоположное марксизму»⁶.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Репрезентация музейными средствами истории и культуры Древнего Востока в Эрмитаже в этот период приобретала определенную специфику. С одной стороны, Отделение классического Востока, в состав которого входили соответ-

⁴ Легран 1934.

⁵ Легран 1934, [3].

⁶ Соломаха 2016, 473–474.

ствующие памятники, было выведено из структуры Отдела древностей и включено в новосозданный Отдел Востока, который под началом И.А. Орбели к концу 1920-х гг. заслужил репутацию чуть ли не самого передового из всех структурных подразделений музея. Как писал все тот же Б.В. Легран, «те, которые взяли на себя задачу создания Сектора Востока, в гораздо большей мере были проводниками научной мысли в Эрмитаже, и более отчетливо представляли себе значение научной работы для перестройки музея в соответствии с требованиями нового общественного строя, чем руководители других отделов и даже руководство Эрмитажа в целом в те годы»⁷. Сам же И.А. Орбели в 1929 г. установку отдела определял следующим образом: «система экспозиции, которая, создавая почву для широких историко-культурных обобщений, требовала группировку памятников по этапам развития историко-культурных фактов и явлений»⁸.

С другой стороны, единственная авторизованная властью оценка «по этапам развития историко-культурных фактов и явлений» истории Древнего Востока в советской науке все еще отсутствовала. Для Эрмитажа разворачивавшиеся по этому вопросу дискуссии были более чем актуальны, ведь вплоть до 1934 г. именно здесь работал активный участник этих дискуссий Василий Васильевич Струве (1889–1965), один из наиболее ярких советских востоковедов, внесший определяющий вклад в разработку советской схемы всемирно-исторического прогресса. Наследник дореволюционных традиций российской исторической науки, впитавший к тому же и лучший опыт европейского университетского образования, Струве стал основным проводником новых идей в сфере всеобщей истории и культуры. Их утверждение проходило небезболезненно, Струве приходилось много дискутировать, отстаивая свою точку зрения и в дебатах с коллегами, и ориентируясь на политико-идеологическую линию государства. При этом само государство даже в середине 1930-х гг., когда Струве был избран академиком и возглавлял последовательно несколько крупных академических институтов, вовсе не горело желанием видеть в нем оплот нового понимания истории⁹.

Биография Струве в целом известна хорошо. Напомним лишь, что после завершения обучения в Петроградском университете Струве был отправлен в Германию, где занимался древнеегипетским языком под руководством одного из ведущих европейских египтологов, директора египетского и ассирийского отделений Королевских музеев Берлина Адольфа Эрмана (1854–1937). Начавшаяся Первая мировая война вынудила Струве вернуться в Россию, и он поступил на службу в Эрмитаж, в котором работал до 1934 г.: с 1918 г. – ассистентом Отдела древностей, с 1919 г. – помощником хранителя Отделения Древнего Востока, с 1920 г. – хранителем Отделения классического Востока, главой Отделения с 1930 по 1933 г.¹⁰

В европейском востоковедении начала XX в. доминировала концепция древневосточного общества как феодального. В 1910-х гг. эти идеи были высказаны и в российском востоковедении в работах Б.А. Тураева и В.В. Струве. Как утверждает И.А. Ладынин, «высказывания Струве о феодализме на древнем Востоке относятся к трем разным периодам его творчества. В 1910-е гг. он остается в парадигме

⁷ Легран 1934, 39.

⁸ Легран 1934, 40.

⁹ См. Бухарин, Крих 2020.

¹⁰ Качалина, Маришкина, Яковлева 2004, 142–143.

дореволюционной науки и прибегает к понятиям “феодальной концепции”, дополняя данными египтологии уже имеющуюся картину общества птолемеевского Египта. В 1920-е он использует эти же понятия в откликах на “повестку дня” послереволюционного времени, выявляя роль классовой борьбы на древнем Востоке или затрагивая проблематику “яфетической теории”. “Феодальная концепция” лишь предоставляет для этого свои категории, а Струве убежден в ее истинности <...> Новой для Струве оказалась ситуация социологических дискуссий начала 1930-х, когда ему пришлось высказаться по вопросам теории подробно <...> в “категоризации” материала Струве проявил немалую искусность, следуя за колебаниями официальной позиции <...> Финальный отказ от термина “феодализм” явно не был для него жертвой...”¹¹.

В первой половине 1920-х гг. В.В. Струве разрабатывал концепцию социальной революции как движущей силы исторического прогресса в Египте. Свои положения он не просто фундировал на материале источников, но в определенной степени переносил и в музейные залы, стремясь в середине 1920-х гг. обосновать необходимость учета данной концепции при реэкспозиции древневосточного материала Эрмитажа. Этому, например, был посвящен его доклад «Музей Древнего Востока в социологическом освещении», сделанный 16 июня 1925 г. на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства Института истории искусств¹².

25 марта 1931 г. В.В. Струве был сделан еще один доклад – «Азиатский способ производства», в центре внимания которого оказывался вынесенный в заглавие термин, его трактовка К. Марксом и возможность соотнесения данной категории с понятиями рабовладельческой и феодальной формаций. Здесь Струве исходил из того, что азиатский способ производства является «основой восточного деспотического государства, является классовой антагонистической формацией». По его мнению, в Египте Азиатский способ производства выдает тенденции к распаду уже в период Древнего царства, когда появляются беглые, которых Струве отождествлял с пролетариатом, оторванным от средств производства. Борьба с этими тенденциями усиливала деспотическую власть монарха. Смена же общественных формаций произошла в Египте только после его завоевания Римом¹³.

Таким образом, весь ход древнеегипетской истории, по мнению В.В. Струве, высказанному в марте 1931 г., показывал, что на древнем Востоке господствовал феодализм в его особой форме – форме «азиатского способа производства», который уступил место античному рабству после завоевания Египта Римом¹⁴.

Трактовка данного периода как феодального, рабовладельческого или же как периода особого Азиатского способа производства приобретала особое значение для музейного показа, в первую очередь в свете установок съезда 1930 г. и заявленной социалистической реконструкции Эрмитажа, предполагавшей перестройку «его научной и экспозиционной работы на принципах диалектического материализма»¹⁵. Здесь научная дискуссия, и без того протекавшая в этот период в

¹¹ Ладынин 2019а, 263–664.

¹² См. Бухарин 2019, 1440–1458; Ананьев, Бухарин 2018, 971–989.

¹³ Ананьев, Бухарин 2020.

¹⁴ См. Ананьев, Бухарин 2020, 81–91.

¹⁵ Легран 1934, 8.

атмосфере, далекой от чистого академизма и чреватой серьезными неприятностями для судеб участников, оказывалась отягощена еще и личными столкновениями.

Именно под эгиду Эрмитажа в начале 1930-х гг. переходит созданный в 1927 г. при Ленинградском университете Египтологический кружок¹⁶, превратившийся в Кружок по изучению Древнего Востока. Значительная часть из более чем 30 молодых участников его работы была учениками Струве (почетного члена кружка) по университету, некоторые из них пришли на работу в Эрмитаж (Б.Б. Пиотровский, М.Э. Матье, И.М. Лурье, В.Н. Николаева и др.)¹⁷. Однако отношения внутри сообщества египтологов были не простыми. Как вспоминал впоследствии о ситуации начала 1930-х гг. в Отделении классического Востока Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, «там сложилась довольно сложная обстановка. М.Э. Матье, очень честолюбивая женщина, объединившись с И.М. Лурье, составила оппозицию против В.В. Струве, стремясь занять пост заведующего <...> И.А. Орбели, хотя и не любил оппозиционеров Струве, но пользовался их помощью»¹⁸.

Одним из результатов «сложной обстановки» стала дискуссия, разгоревшаяся между В.В. Струве и его коллегами по отделу, от имени которых выступил Исидор Менделевич Лурье (1903–1958), молодой египтолог, член кружка, выпускник Ленинградского университета 1925 г., пришедший в Эрмитаж в 1927 г., муж М.Э. Матье. Документы, связанные с этой дискуссией, отложившиеся в Архиве Государственного Эрмитажа, важны и как источник по истории экспозиционного показа материалов Древнего Востока в главном музее страны, и как свидетельство эволюции взглядов В.В. Струве, который к 1931 г. уже отказался рассматривать древневосточное общество как феодальное, но еще не перешел к его характеристике как рабовладельческого, придерживаясь точки зрения о полноправной применимости к характеристике этих производственных отношений предложенного Марксом определения «азиатский способ производства». При этом Струве уже отказывается рассматривать Азиатский способ производства как древневосточную форму феодализма. Лурье же, будучи убежденным марксистом, отвергал «полу-апокрифический» Азиатский способ производства, отстаивая более прямой (вскоре – единственно возможную) схему марксистского толкования исторического процесса, отрицавшую какие бы то ни было девиации между рабовладением и феодализмом.

В феврале 1931 г. в Ленинграде Обществом марксистов-востоковедов и Ленинградским восточным институтом им. А.С. Енукидзе была проведена дискуссия, посвященная Азиатскому способу производства, в которой приняли участие и Струве, и Лурье, выступившие уже там с прямо противоположных позиций¹⁹. Вероятно, поводом к продолжению этой дискуссии в музее послужила подготовка к открытию новой египетской экспозиции Эрмитажа в 1931 г., связанной с продолжавшейся реконструкцией здания Зимнего дворца и постепенной экспансией музея на новые выставочные площади²⁰.

¹⁶ Большаков 2014.

¹⁷ Большаков 2011.

¹⁸ Пиотровский 1995, 93.

¹⁹ Дискуссия 2009, 93–103.

²⁰ Большаков 2015, 175.

Документ № 1, открывающий дискуссию, представляет собой краткое рукописное заявление В.В. Струве, направленное заведующему отделом Востока Государственного Эрмитажа И.А. Орбели 8 августа 1931 г. В нем Струве заявляет о категорическом несогласии с обозначением способа производства, который господствовал в Египте, как феодального – а это определение было принято коллегами Струве по отделению Древнего Востока (т.е. теми самыми молодыми людьми из египтологического кружка). Струве ссылается на документы, в которых он дает обоснование своей точки зрения: тезисы, представленные в апреле Орбели и затем защищенные на двух обсуждениях (18 и 28 мая 1931 г.) в Государственной академии истории материальной культуры. Тексты майских докладов, определенно, должны были дополнять содержание доклада Струве «Азиатский способ производства» от 25 марта 1931 г., машинопись которого отложилась в фонде С.Ф. Ольденбурга, и зачитанного как раз в апреле 1931 г.²¹ Для Струве отказ от характеристики производственных отношений, господствовавших в Египте, как Азиатского способа производства не только вопрос сакрально-догматический – под сомнение ставится точка зрения К. Маркса, но и научный – на смену феодализму древнего общества приходит все тот же феодализм.

Документ № 2 (машинопись за подписью В.В. Струве) не озаглавлен и не датирован. Скорее всего, он является пояснением к заявлению от 8 августа 1931 г. В нем Струве дает собственное толкование классовой сути азиатского и феодального способов производства: в обоих случаях двумя антагонистическими классами являются землевладельцы (а не чиновники, как в толковании оппонентов) и крестьяне. Различие же между двумя типами производственных отношений для Струве кроется в следующем: «землевладельческий класс Египта является организатором ирригационного земельного хозяйства, сконцентрированного в национальном масштабе. Что же касается феодала-землевладельца, то в его деятельности регулирование и организация хозяйственных отношений почти не играло никакой роли». Крестьяне же в древнем Египте самостоятельное хозяйство не вели.

Струве полагал, что эрмитажная экспозиция может эксплицировать Азиатский способ производства с помощью этикетажа, т.е. не самими музейными предметами, а их комментированием, что, конечно, вполне соответствовало ситуации, сложившейся в музейном деле после съезда 1930 г., провозгласившего главным объектом показа не вещи, а общественные отношения, но не давшего никаких конкретных указаний на то, как реализовывать этот тезис на практике. При этом, однако, следует отметить, что активное использование вспомогательного материала на экспозиции (в частности – египетской) было вполне характерно и для эрмитажной практики начала 1920-х гг. Так, например, А.О. Большаков, тщательно проанализировавший эволюцию экспонирования египетского материала в Эрмитаже, характеризуя египетскую экспозицию начала 1920-х гг., отмечает, что на ней впервые была предпринята попытка отказаться от декоративной расстановки предметов и дать группировку памятников по темам, характеризующим различные аспекты общественной жизни репрезентируемого общества. При этом отсутствие у создателей выставки (В.В. Струве, Н.Д. Флиттнер, М.Э. Матье) опыта экс-

²¹ См. Дискуссия 2009, 93; Ананьев, Бухарин 2020, 81–91.

позиционной работы привело к тому, что на ней «очень назойливо» использовался вспомогательный материал²². Можно предположить, что дело было не только в отсутствии экспозиционного опыта у создателей экспозиции, но и в общей неразработанности данной проблемы в российском музееведении: что представляет собой язык музея и как именно его средствами можно передать абстракции научных построений, было не слишком ясно.

Документ № 3 (машинопись) является объяснительной запиской, составленной В.В. Струве 28 ноября 1931 г. и озаглавленной «Необходимость определения способа производства общества Древнего Египта “Древнеазиатским” для музейной экспозиции Государственного Эрмитажа». В ней Струве настаивал на том, чтобы выставочная деятельность Эрмитажа базировалась на основах учения Маркса, делая при этом весьма смелую оговорку: если таковое не противоречит и может быть согласовано «с новейшими данными исторической науки о соответствующих эпохах». Так как подобных противоречий и несогласований, по мнению Струве не было, Эрмитажу не следовало отказываться от использования в своей выставочной деятельности таких категорий Маркса как «азиатский» или «древнеазиатский» способ производства, из которого впоследствии вышли две формы эксплуатации – рабство и крепостничество. Струве отличал Азиатский способ производства от феодального по самостоятельности / несамостоятельности ведения хозяйства непосредственным производителем. Ученый отвергал определение способа производства, господствовавшего в Египте, как феодального, так как тогда, на его взгляд, получалось, что «в Египте в течение 4 000 лет не было существенного повышения уровня производительных сил», а это противоречило теории исторического прогресса Маркса. При этом Струве ничего не говорил о том, как верность категориям Маркса должна была влиять на визуальный ряд представляемого материала. И это при том, что он имел самое непосредственное отношение к показу египетского материала в Эрмитаже, начиная с 1919 г., когда под его началом здесь была открыта первая тематическая временная выставка музея советского времени – «Заупокойный культ древнего Египта»²³, тематика которой явно была выбрана под сильным влиянием идей одного из учителей Струве Б.А. Тураева. На это обстоятельство обратил внимание оппонент Струве – И.М. Лурье.

Документ № 4 представляет собой проект структуры I отдела Сектора Востока по визуализации исторического прогресса в древневосточных обществах, составленный И.М. Лурье. При трактовке последних автор исходил из традиционных «германских» представлений о сути понятия «Древний Восток»²⁴, т.е. рассматривал в качестве древневосточных только общества Ближнего Востока (Египет, Аравия, Месопотамия): ни Индия, ни Китай в этот список не попадали. Целью деятельности I отдела Сектора Востока провозглашался показ «эпохи экономического формирования общества», т.е. феодализма. Лурье отказывался от традиционного членения древнеегипетской истории на Архаический период, Древнее, Среднее и Новое царство и Саисский период, и вместо этого дробил историю Египта на периоды становления феодального общества, собственно фе-

²² Большаков 2015, 167–169.

²³ Большаков 2015: 167.

²⁴ См. подробнее Ладынин 2019b, 772–796.

одализма и его разложения. При этом Лурье предостерегал от выводов о переходе разлагающегося египетского общества периода феодализма в капиталистическое: феодализм в древнем Египте, по мнению Лурье, так до конца и не разложился, но и в рабовладельческую формацию не трансформировался. Для 1931 г. такая характеристика являлась проявлением существенной смелости: В.В. Струве открыто обвинил коллег по Эрмитажу в том, что они не принимают во внимание труды Маркса. В то время, как именно марксистские определения должны были лежать в основе научной и выставочной работы музея.

И.М. Лурье в своих построениях фактически возражал не столько Струве, сколько Марксу, а точнее, той трактовке его идей, которую с опорой на «неудобный» Азиатский способ производства предлагал Струве: «превратить ее в экспозицию соответствующую воззрениям сторонников азиатского способа производства, путем внесения соответствующего этикетажа, как это предлагает проф. В. Струве, нельзя. Здесь дело не в этикетаже, а в существе. Для того, чтобы эту выставку переделать так, как это имеет ввиду проф. В. Струве, необходимо в корне переделать все те части экспозиции, где показываются классы и классовые противоречия (поместья, город, торговля, государство и др.), выпятить на передний план ирригацию и отобразить тех неуловимых и неподдающихся определению рантье, которые сторонниками азиатского способа производства выдаются за господствующий класс. О том, что посетитель получит совершенно неверное и ни в какой мере не соответствующее фактическому материалу представление о древнем Египте, я останавливаться не буду».

Фактически же, возражения И.М. Лурье свелись к тому, что выводы о сути древнеегипетского в частности и древневосточного общества в целом могут быть сделаны в зависимости от того, какие экспонаты будут представлены.

ЭПИЛОГ

Менее чем через год, 2 февраля 1932 г., В.В. Струве завершит тезисы доклада «О способе производства Древне-Египетского Общества». Характерным для них также будет отказ от признания древнеегипетского общества феодальным, хотя в них Струве повторит тезисы и о циклизме (здесь показательны ссылки на Эд. Мейера и М.И. Ростовцева), и о смене крепостничества рабством, которое затем снова переходит в крепостничество, что и подтверждается материалом древнеегипетских источников. Сама же схема исторического прогресса примет вполне традиционный вид: распад первобытной общины ведет к рабству, а распад рабства – (в конечном итоге) к крепостничеству. Господствующий класс Струве уже будет называть рабовладельческим, будет он говорить и о нарастании доминирования индивидуального рабства²⁵. Таким образом, к февралю 1932 г. традиционная марксистская схема смены первых трех общественно-экономических формаций в изложении В.В. Струве примет относительно законченный вид, а неудобный Азиатский способ производства окончательно перейдет в разряд апокрифов, отвергнутых канонической версией всемирно-исторического прогресса.

Так, будучи наряду с И.Л. Снегиревым одним из редакторов «Истории древнего Востока» Б.А. Тураева, В.В. Струве исходил при работе с первым изданием

²⁵ См. Ананьев, Бухарин 2020, 92.

уже в 1934 г. из того, что Индия и Китай являли собой, как и иные древние общества, пример развития рабовладельческой формации и не были в этом отношении исключениями из общего правила²⁶, т.е. все пространство древневосточных обществ было объединено единым пониманием их сути как основанной на рабовладении.

Однако уже после того, как в 1930-х гг. концепция древневосточного общества как рабовладельческого займет в советской историографии доминирующие позиции, И.М. Лурье, как и его старший коллега Н.М. Никольский, продолжат отстаивать «позиции» феодализма на древнеегипетском материале и резко возражать Струве²⁷.

И.М. Лурье с 1939 по 1946 г. будет заведовать отделом Востока Государственного Эрмитажа (а в 1933–1934 гг. будет заместителем директора музея по науке) и продолжит настаивать на том, что рабовладение не было основой древнеегипетского общества. По мнению Лурье, стоимость некоторых категорий рабов была слишком высока, чтобы рабовладение могло стать «универсальной основой хозяйства», как это имело место в древних обществах Греции и Рима²⁸.

В вышедшем в 1939 г. путеводителе по «китайским» залам Эрмитажа общество древнего Китая классифицировалось как феодальное, а предшествующую и последующую фазу развития древнекитайского общества составители определяли как «дофеодальную» и «современную»²⁹. Возникают сомнения в том, что их всерьез беспокоило соответствие экспонатов теории Маркса: в путеводителе нет ни единой ссылки на классиков марксизма-ленинизма.

В условиях тотального идеологического диктата, обязательного следования категориальной догматике деление истории Китая на «дофеодальное», «феодальное» и «современное» (вне зависимости от степени точности данного деления) и фактическое игнорирование мнений основоположников исторического материализма и его ленинской трактовки отражали значительную свободу мысли, на которую претендовали сотрудники Эрмитажа. «Завоевания» 1931 г. в последние предвоенные годы в Эрмитаже были живы. «Социалистическая реконструкция» музея едва ли могла считаться успешно завершенной.

№ 1³⁰

Заведующему Отделом Востока
Государственного Эрмитажа
д<ействительного> чл<ена> Василия Васильевича
Струве
Заявление

Считаю своим долгом заявить, что я лично не могу согласиться с определением способа производства доминантного в Древнем Египте, как феодального – определением, которое приняли мои товарищи по отделению Древнего Востока.

²⁶ Тураев 1934, VIII.

²⁷ См. Крих 2018, 13–22; 2020, 34–58.

²⁸ Лурье 1938, 68–71.

²⁹ Казин, Кречетова 1939, 3.

³⁰ Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации. Авторы признательны Е.В. Аброськиной (МАЭ РАН) за помощь в работе с архивным материалом.

Доводы, заставляющие меня отказаться от данного определения, изложены мною в тезисах, поданных Вам мною в начале апреля с.г. и защищаемых мною на докладе 18 мая и прениях 28 мая в ГАИМК. К этому я еще прибавляю то соображение, что перенесение феодальной формации в эпоху Древности Афразии определено противоречит исторической концепции Маркса. Для Маркса азиатский античный, феодальный и капиталистический способы производства являлись не схемами, не механистически передвигаемыми и расставляемыми группировками исторического материала, но прогрессивными эпохами экономического формирования общества. Поэтому отказ от азиатского, гесп. древнеазиатского способа производства Маркса с необходимостью приводит к установлению утверждения о вторичном феодализме, что за разложением феодального способа производства в древности на Востоке последует в VII в. н.э. там же новый расцвет феодализма 8 августа 1931.

В. Струве.

№ 2

[3]

При понимании азиатского, гесп. древнеазиатского способа производства Марксова учения о формациях, как первого из классовых антагонистических способов производства, страдает то качественное отличие его от феодальной формации, которое заставляло многих определять способ производства древневосточного общества феодальным. Дело в том, что для некоторых последователей двумя основными классами общества азиатского производства являлись чиновники и крестьяне и, таким образом, названный способ производства не может считаться классовым антагонистическим. При моем же понимании азиатского производства основными классами являются, как и в феодальной формации, землевладельцы и крестьяне. Поэтому между мной и исследователем, утверждающим, что египетский вельможа был феодалом, т.е. землевладельцем, нет разногласия в определении основного признака господствующего класса египетского общества. Различие же между господствующим классом Египта и господствующим классом в феодальном обществе кроется, согласно моему мнению, в следующем: землевладельческий класс Египта является организатором ирригационного земельного хозяйства, сконцентрированного в национальном масштабе. Что же касается феодала-землевладельца, то в его деятельности регулирование и организация хозяйственных отношений почти не играло никакой роли. Крестьяне же Египта, т.к. большинство из организационных функций в хозяйстве были сосредоточены в руках землевладельческого класса, не вели самостоятельного хозяйства, в противоположность непосредственным производителям феодального общества. Объединение существующих производительных сил происходило в египетском обществе, путем коллективного контроля всем землевладельческим классом ирригационной системы, охватывающей всю долину Нила.

Азиатский гесп. Древнеазиатский способ производства, определенный таким образом, может быть выделен в музейной экспозиции, построенной на конкретном материале и подчеркивающей классовый антагонистический характер египетского общества. Во всем том материале, который дает показ классов египетского общества, кроются вместе с тем и те специфические особенности, которые отличают азиатский способ производства от феодального. Поэтому определение

способа производства египетского общества, как древнеазиатского, а не как феодального, в экспозиции будет выявлено главным образом с помощью этикетаж в тех частях экспозиции, которые посвящены показу производительных сил, положению господствующего класса и непосредственных производителей (городу, торговле) и, наконец, политическая надстройка.

В. Струве

[4]

№ 3

Необходимость определения способа производства общества Древнего Египта
“Древнеазиатским” для музейной экспозиции Государственного Эрмитажа
Действительного члена Государственного Эрмитажа
В.В. СТРУВЕ.

Объяснительная записка

Для Государственного Эрмитажа, решившегося построить свою экспозицию на основе учения Маркса о формациях, необходимо строго держаться этого учения во всех его частях, конечно, если они не противоречат и могут быть согласованы с новейшими данными исторической науки о соответствующих эпохах.

Как известно, первый классовый антагонистический способ производства Маркс называет «азиатским», или с последующим уточнением «древнеазиатским».

«Азиатский», resp. «Древнеазиатский» способ производства является первой из прогрессивных эпох экономического формирования общества, соответствуя самой ранней исторической ступени развития производительных сил. Первый классовый способ производства объединил в себе в диффузном состоянии две исторически последующих системы эксплуатации – рабство (зависимость, свойственная античному способу производства) и крепостничество (зависимость, свойственная феодализму). При древнеазиатском способе производства непосредственный производитель, владея лишь частью средств производства и пребывая под постоянным контролем коллективного земельного собственника не ведет самостоятельного хозяйства. При феодализме, как известно, непосредственный производитель вел самостоятельное хозяйство. Непосредственный производитель и не мог еще при низком уровне развития производительных сил вести самостоятельного хозяйства. Для этого требовалось значительно более высокая степень развития производительных сил, «ведь на каждой ступени (развития общества) имеется некоторый материальный результат, некоторая сумма производительных сил, передаваемая каждому поколению его предшественниками». Если мы поэтому способ производства древнего Египта определяем как феодальный, то мы тем самым признаем, что в Египте в течение 4 000 лет не было существенного повышения уровня производительных сил, ибо производственные отношения – феодальный способ производства оставался неизменным. Лишь при определении способа производства древнего Египта «Древнеазиатским» может быть преодолена теория, что в Египте в течение 4 000 лет существования была единая система хозяйства, одни и те же производственные отношения.

Таким образом, музей, стремящийся в своей экспозиции выявить постепенное развитие всемирной истории, должен сохранить учение в формациях Маркса в его подлинном виде с древнеазиатским способом производства, как первой из

классовых антагонистических формаций. Отказ от одного из существенных элементов учения Маркса о формациях, не противоречащего данным истории Древнего Востока, не может быть оправдан.

(В. Струве)

«28» Ноября 1931 г.

[5]

№ 4

Проект

Структура I отдела Сектора Востока

Задачей 1-го отделения сектора Востока является изучение и показ хода исторического процесса в т.н. странах Древнего Востока. В соответствии с этим отделение собирает и изучает памятники материальной культуры письменности и искусства Месопотамии, Аравийского полуострова, Передней Азии, Древнего и «Коптского» Египта.

С помощью этих памятников, дополненных в случае необходимости копиями, слепками, рисунками, фотографиями и пр. материалом, отделение должно, показав в доступной для массового посетителя форме различные стороны жизни этих стран, дать представление о той «эпохе экономического формирования общества», которую мы здесь застаем. Этой эпохой является феодализм.

Для показа того, как намечается выполнение этой задачи, приведу в качестве примера Египет, экспозиционно наиболее разработанный.

В противоположность общепринятой разбивке истории Египта (Архаический Египет, Древнее царство, Среднее царство, Новое царство и Саисский период) выставка разбивается на следующие этапы: 1. Становление феодального общества (время до 3 400 г.) 2. Феодальное общество (3 400–2 400 г.) и 3. Разложение феодализма (2 400–332 гг. до хр. эры). При этом следует отметить: 1-ое. Те даты, которые здесь указаны, являются лишь ориентировочными, т.к., понятно, нельзя точно сказать, в каком году происходит тот переход количества в качество, которое позволяет говорить о наличии нового этапа в экономическом формировании общества. Это ведь длительный процесс. 2-ое. Наше определение 3-го этапа истории Древнеегипетского общества, как «Разложение феодализма», может вызвать некоторые сомнения. Ведь у каждого, когда идет речь о разложении феодализма, невольно возникает представление о том, что здесь имеются, очевидно, такие моменты, которые, разлагая старое, феодальное общество, являются вместе с тем ядром нового, капиталистического общества. Однако, нельзя предполагать, да и для этого нет, конечно, никаких фактических данных, что в недрах разлагающегося Древнеегипетского феодального общества зарождалось новое т.н. капиталистическое общество. Говоря о разложении феодализма в Древнем Египте, я хочу этим сказать лишь то, что появились такие моменты, которые разрушали, но не разрушили феодальные отношения. Эти моменты, при тогдашнем уровне развития производительных сил, не могли явиться созидателями нового способа производства, нового общества. 3-е. Эпоха разложения феодального общества продолжается в Египте значительно позднее, чем 332 г. до хр. эры (год завоевания Египта Александром Македонским), который нами указан. Но т.к. во время греческого, а затем и римского владычества Египтом в производственных отношениях появляются некоторые моменты, характерные для античного способа производства, не

приводящие, однако, к перерастанию общества в рабовладельческое. Я считаю целесообразным это проникновение элементов античного способа производства в разлагающееся феодальное общество, экспозиционно выявить особо.

В первом разделе выставки показывается среда, в которой слагалось египетское общество, уровень развития производительных сил, выделение господствующего класса и появление феодальной собственности и феодальных княжеств.

[6] Показ феодального общества начинается с показа Египта как единого государственного образования. Затем показываются: феодалы, сосредоточившие в своих руках всю политическую и религиозную власть и поместья (наследованная собственность), являющиеся экономической основой их могущества. В поместье же показывается и крестьянство, эксплуатируемое феодалами путем внеэкономического принуждения. Отдельно показывается эксплуатация крестьянства государством. Затем идет появление городов: ремесла, обслуживающие лишь нужды феодальной знати; развивающаяся торговля предметами роскоши и война-грабеж. Религия этого времени – религия феодального общества, сохранившая ряд воззрений предыдущих стадий.

Переходом к эпохе разложения феодализма служит показ социальных движений (крестьянские восстания).

Показ разложения феодализма начинается с показа города с кварталами купцов и ремесленников, с мануфактурной организацией по преимуществу крепостного, изготовляющего уже в то время предметы массового потребления, не разрушившего еще преобладающий характер натурального хозяйства. Здесь показывается не только организация ремесла, но и техника.

Феодальное поместье имеется и в это время, но продукты сельского хозяйства являются уже в основном товарами. Крепостничество – по-прежнему основа эксплуатации крестьян.

Торговля предметами широкого потребления, постоянная торговля со всеми странами тогдашнего мира. Металл (золото, серебро, медь) – всеобщий эквивалент. Война – грабеж, хотя и имеет место – уже недостаточно – захват окружающих стран для постоянной эксплуатации.

Государственная власть находится в руках феодалов и новых людей, выдвинувшихся из виднейших горожан. Ирригационные работы и налоговый пресс – функция государства.

Появление в религии, остающейся, по существу, феодальной, моментов, соответствующих данному этапу развития египетского общества, наряду с сохранением в ней пережитков прошлого.

Из этой крайне суммарной передачи экспозиции видно, что превратить ее в экспозицию, соответствующую воззрениям сторонников азиатского способа производства, путем внесения соответствующего этикетаж, как это предлагает проф. В. Струве, нельзя. Здесь дело не в этикетеже, а в существе. Для того, чтобы эту выставку переделать так, как это имеет ввиду проф. В. Струве, необходимо в корне переделать все те части экспозиции, где показываются классы и классовые противоречия (поместья, город, торговля, государство и др.) выпятить на передний план ирригацию и отобразить тех неуловимых и неподдающихся определению рантье, которые сторонниками азиатского способа производства выдаются за господствующий класс. О том, что посетитель получит совершенно неверное

и ни в какой мере не соответствующее фактическому материалу представление о древнем Египте, я останавливаться не буду.

Из изложенного, однако, не видно, какова будет связь материала отделения с остальными выставками Сектора. Связь эта мыслится в двух, между собой тесно связанных, экспозиционных линиях. 1-ая – выставка Др. Египта, затем Эллинистического и «Коптского» Египта, подходящие ко времени арабского завоевания Египта, представленного в экспозиции II отделения. Через «Коптский» Египет выставка увязывается и с экспозицией II отделения (Византия [7] и феодальный Иран). 2-я экспозиционная линия – Месопотамия. Передняя Азия, зал с Закавказьем – смыкается с экспозицией II-го отделения – т.н. Ахеменидская Персия. Это, конечно, лишь схема, но по этой схеме, мне кажется, должна идти работа по разработке и развертыванию остальных частей отделения.

И. Лурье

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 17. Д. 198.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. 2018: В.В. Струве и Институт истории искусств (к истории сложения концепции социальной революции на Древнем Востоке). *ВДИ* 4 (78), 971–989.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. 2020: «Идеализировать деспотизм фараонов никак не приходится». В.В. Струве и формирование советского марксистского историописания. 1931–1932. *Исторический архив* 5, 31–48.
- Большаков, А.О. 2011: Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии. *Культурно-антропологические исследования* 2, 5–10.
- Большаков, А.О. 2014: Ленинградский Египтологический Кружок: полгода предистории. *Aegyptiaca Rossica* 2, 48–120.
- Большаков, А.О. 2015: Египетские экспозиции в Эрмитаже. *Сообщения Государственного Эрмитажа* LXXIII, 160–185.
- Бухарин, М.Д. 2019: Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 4, 1440–1458.
- Бухарин, М.Д., Крих, С.Б. 2020: Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток-Oriens* 6, 196–206.
- Дискуссия 2009: *Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса*. Изд. 2-е. М.
- Закс, А.Б. 1980: Всероссийский музейный съезд. *ВИ* 12, 164–167.
- Кузина, Г.А. 1991: Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. *Музей и власть. Т. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.)*. М., 96–172.
- Легран, Б.В. 1934: *Социалистическая реконструкция Эрмитажа*. Л.
- Лурье, И.М. 1938: Стоимость раба в древнем Египте. *ВДИ* 4 (5), 65–71.
- Казин, В.Н., Кречетова, М.Н. 1939: *Культура и искусство феодального Китая. Путеводитель по выставке*. Л.
- Качалина, Г.И., Маришкина, В.Ф., Яковлева, Е.М. (сост.) 2004: *Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917. Биобиблиографический справочник*. СПб.

- Крих, С.Б. 2018: История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ. *Восток (Oriens)* 1, 13–22.
- Крих, С.Б. 2020: *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Ладынин, И.А. 2019а: Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В. Струве 1910-х – начала 1930-х гг. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* 69, 251–267.
- Ладынин, И.А. 2019б: Понятие «Древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 3 (79), 772–796.
- Луппол, И.К. (ред.): *Труды первого всероссийского музейного съезда*. Т. I. *Протоколы пленарных заседаний 1–5 декабря 1930 г.* М.
- Пиотровский, Б.Б. 1995: *Страницы моей жизни*. СПб.
- Соломаха, Е.Ю. (сост.) 2016: *Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы*. СПб.
- Тураев, Б.А. 1934: *История Древнего Востока*. В кн.: В.В. Струве, И.Л. Снегирева (ред.), Т. I. Л.

REFERENCES

- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: V.V. Struve i Institut istorii iskusstv (k istorii slozheniya kontseptsii sotsial'noy revolyutsii na Drevnem Vostoke) [V.V. Struve and the Institute of History of Arts (towards the history of conception of social revolution in ancient Egypt)]. *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 4 (78), 971–989.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2020: "Idealizirovat' despotizm faraonov nikak ne prihoditsya". V.V. Struve i formirovanie sovetskogo marksistskogo istoriipisaniya [There is no Need to Idealize the Despotism of Pharaohs. V.V. Struve and Formation of Marxist Historiography]. 1931–1932. *Istoricheskiy arkhiv [Historical Archive]* 5, 31–48.
- Bolshakov, A.O. 2011: Leningradskiy egiptologicheskij kruzhok: U istokov sovetskoj egiptologii [Leningrad Egyptological Circle: At the Origins of Soviet Egyptology]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya [Cultural and Anthropological Studies]* 2, 5–10.
- Bolshakov, A.O. 2014: Leningradskiy Egiptologicheskij Kruzhok: polgoda predystorii [Leningrad Egyptological Circle: Half a Year of pre-History]. *Aegyptiaca Rossica* 2, 48–120.
- Bolshakov, A.O. 2015: Egiptskie ekspozitsii v Ermitazhe [Egyptian Expositions at the Hermitage]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Communications of the State Hermitage]* LXXIII, 160–185.
- Bukharin, M.D. 2019: Vasiliiy Struve i slozhenie kategorial'nogo apparata sovetskoy istoricheskoy nauki [Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Saint Petersburg University. History]* 4, 1440–1458.
- Bukharin, M.D., Krikh, S.B. 2020: Istorik Vostoka v epohu peremen: raboty V.V. Struve i soveshchanie v OON AN SSSR v iyule 1936 g. [Historian of the Orient in an Era of Change: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR in July 1936]. *Vostok-Oriens* 6, 196–206.
- Diskussiya, 2009: *Diskussiya ob aziatskom sposobe proizvodstva. Po dokladu M.S. Godesa* [Discussion on the Asian Mode of production. According to the Report of M.S. Goodes]. 2nd Ed. Moscow.
- Kachalina, G.I., Marishkina, V.F., Yakovleva, E.M. (eds.) 2004: *Sotrudniki Imperatorskogo Ermitazha 1852–1917. Biobibliograficheskiy spravochnik* [Employees of the Imperial Hermitage 1852–1917. Bibliographic Handbook]. Saint Petersburg.
- Kazin, V.N., Krechetova, M.N. 1939: *Kul'tura i iskusstvo feodal'nogo Kitaya. Putevoditel' po vystavke* [The Culture and Art of Feudal China. Guidebook to the Exhibition]. Leningrad.

- Krikh, S.B. 2018: Istoriya porazheniya: N.M. Nikol'skiy v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroya drevnevostochnykh obshchestv [History of Defeat: N.M. Nikolsky in the Struggle for Understanding the Social System of Ancient Eastern Societies]. *Vostok (Oriens)* 1, 13–22.
- Krikh, S.B. 2020: *Drugaya istoriya: "Periferijnaya" sovetskaya nauka o drevnosti* [Another History: "Peripheral" Soviet Science on Antiquity]. Moscow.
- Kuzina, G.A. 1991: *Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. Muzei i vlast'*. T. 1. *Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XX vv.)* [State Policy in the field of Museum Work in 1917–1941. Museum and Power. Vol. 1. State Policy in the field of Museum Work (18th–20th centuries)]. Moscow, 96–172.
- Ladynin, I.A. 2019a: Kontseptsiya feodalizma na drevnem Vostoke i raboty V.V. Struve 1910-kh – nachala 1930-kh gg. [The Concept of Feudalism in the Ancient Orient and the Work of V.V. Struve in the 1910s – early 1930s.] *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History] 69, 251–267.
- Ladynin, I.A. 2019b: Ponyatie "Drevniy Vostok" v otechestvennoy istoriografii XX v. [The concept of "Ancient Orient" in Russian Historiography of the 20th century] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3 (79), 772–796.
- Legran, B.V. 1934: *Socialisticheskaya rekonstrukciya Ermitazha* [Socialist Reconstruction of the Hermitage]. Leningrad.
- Luppol, I.K. 1931: *Trudy pervogo vserossiyskogo muzeynogo s'ezda*. T. I. *Protokoly plenarnykh zasedaniy 1–5 dekabrya 1930 g.* [Proceedings of the First All-Russian Museum Congress. Vol. I. Minutes of Plenary Meetings on December 1–5, 1930] Moscow.
- Lurie, I.M. 1938: Stoimost' raba v drevnem Egipte [Cost of a Slave in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (5), 65–71.
- Piotrovskiy B.B. 1995: *Stranitsy moey zhizni* [Pages of my Life]. Saint Petersburg.
- Solomakha, E.Yu. (ed.) 2016: *Gosudarstvennyy Ermitazh. Muzeynye rasprodazhi. 1930–1931. Arhivnye dokumenty* [State Hermitage. Museum sales. 1930–1931. Archival Documents]. Saint Petersburg.
- Turaev, B.A. 1934: *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of Ancient Orient]. In: V.V. Struve, I.L. Snegirev (eds.) Vol. I. Leningrad.
- Zaks, A.B. 1980: Vserossiyskiy muzeynyy s'ezd [All-Russian Museum Congress]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 12, 164–167.

“THERE IS SOMETHING OPPOSITE TO MARXISM IN IT”:
DISCUSSIONS ON THE ASIATIC MODE OF PRODUCTION IN
THE STATE HERMITAGE IN THE EARLY 1930S
(NEW ARCHIVAL MATERIALS)

Vitaly G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²

¹*Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
v.ananев@spbu.ru

²*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
michabucha@gmail.com

Abstract. After the revolution of 1917, the sphere of science and culture in the USSR suffered fundamental changes: universities, institutes, museums had to correlate their activities with specific objectives that came from government bodies, as well as with the ideological canon of “Marxism-Leninism” in understanding the world historical progress, which itself in the 1920s – 1930s was still passing the stage of formation. The beginning of the 1930s in the history of the State Hermitage was marked by the beginning of the stage of “socialist reconstruction”, accordingly, previous scholarly discussions acquired a new ideological tone. In these discussions, the struggle for influence within the museum, a different understanding of the museum and exhibition activities, and ways to convey the necessary meaning of the exhibits to the visitors were intertwined. The main actors in the discussions regarding the understanding of ancient Oriental society in general and ancient Egypt in particular were V.V. Struve and I.M. Lurie. The authors publish four documents from 1931 from the Archive of the State Hermitage. These documents show that V.V. Struve acted more as a dogmatist, for whom the literal correspondence of the museum’s work program to the sociological categories developed by K. Marx was the most important point. I.M. Lurie and his colleagues in the struggle against Struve were ready to give up the purity of Marxist teachings and defended the possibility of relatively free use of the categorical apparatus. In museum practice, I.M. Lurie defended the primacy of exhibits, unlike V.V. Struve, who emphasized the paramount importance of labeling. Ultimately, having won the fight against the opponent, I.M. Lurie and his Hermitage colleagues throughout the 1930s used categorical apparatus quite outside his canonically Marxist version.

Keywords: Ancient World History, Ancient Orient, Ancient Egypt, slavery, feudalism, Asian mode of production, the State Hermitage, V.V. Struve, I.M. Lurie.
